

УДК 81'42

Духовное письмо-травелог в русской монашеской словесности XX века

© Смолина Анджелла Николаевна (2019), кандидат филологических наук, доцент, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Россия), angelic2009@mail.ru

На материале духовного эпистолярного наследия архимандрита Сергия (Страгородского) рассматривается функционирование письма-травелога в русской монашеской словесности. Анализируя произведение «На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера)», автор показывает особенности тематического и идейного содержания, элокутивной организации духовных эпистолярных текстов, совмещающих в себе черты письма и травелога. В работе выявляются лингвостилистические черты духовного письма-травелога: дается его лексическая и фигуративно-тропеическая характеристика. Показывается, что в анализируемых текстах используются стилистически маркированные языковые элементы: слова и сверхсловные единицы, относящиеся к тематической сфере «православие». Устанавливается, что стилистическим маркером духовных писем-травелогов становятся именованья лиц, связанных с христианской религиозной деятельностью, наименования богослужебных предметов, наименования православных праздников. Автор останавливает внимание на интертекстуальных связях произведения «На Дальнем Востоке...», выявляет новозаветные и молитвенные интертекстемы, способствующие актуализации христианских смыслов. В статье показывается, что тропеические особенности исследуемых произведений обусловлены использованием метафор, эпитетов, религиозных аллюзий; фигуративные особенности обусловлены использованием перечисления, вопросно-ответного хода, повторов с компонентами религионимами. Делается вывод о том, что духовные письма-травелоги вписываются в контекст русской монашеской словесности — уникального и малоисследованного явления отечественной культуры.

Ключевые слова: монашеская словесность, травелог, духовное письмо-травелог, жанр, архимандрит Сергей (Страгородский), интенции, православная лексика, теоним, агеоантропоним, еклезионим, троп, фигура, интертекстема, элокутивная организация.

1. Введение

В последние десятилетия отечественными учеными активно изучается жизнь и творчество русского иночества, русская православная монашеская культура, важнейшей составной частью которой является монашеская словесность. В основном учеными затрагиваются темы, связанные с влиянием русского монашества на формирование и развитие живописи, литературы, философии, а также системы ценностей русского народа. Кроме того, ученые обращаются к вопросам, связанным с определением сущности православного монашества как социокультурного феномена, выявлением его творческого диапазона, культурологических особенностей, традиций; к вопросам, касающимся специфики монастырской жизни, взаимоотношений монастырей и внешнего мира, роли монастырей в экономике средневековья, реконструкции образа жизни и мировоззрения древнерусского иночества, зарождения и развития старчества.

Многие исследователи стремятся показать, что в произведениях русских иноков с предельной точностью воплощаются идеи христианства, что монашество на протяжении всей истории развития русской христианской культуры играло важнейшую роль в сохранении целостности общества, его духовных ценностей, выполняло социально значимые функции; при этом зачастую подчеркивается: монашество — явление идеальное. Так, Н. Е. Шафажинская, определяя вклад своего диссертационного исследования в раскрытие содержания и значения творческих достижений русских иноков в духовную культуру, пишет: «Русское монашество как особое проявление и высший идеал христианства, осмысленный и свободный подвиг личности в борьбе за достижение духовного совершенства в диссертации рассматривается в качестве уникального историко-культурного феномена, который на всех этапах своего развития с X до начала XXI века был и остается ценностным ориентиром для значительной части народа России не только в духовно-

нравственном отношении, но и в широком спектре творческого личностного служения: в сфере социального устройства общества, просвещения, возделывания и обустройства новых земель, миссионерской, административно-хозяйственной деятельности, благотворительности, науки, литературы, религиозной философии, иконописи, музыкального искусства, архитектуры, в сфере духовного наставничества и воспитания личности» [Шафажинская, 2010, с. 5].

И. В. Астэр, говоря о месте монастырей в социальной структуре общества, отмечает: «Несмотря на “крутые повороты” истории <...> монашество, являясь частью общества, с разной степенью интенсивности (в зависимости от социально-политической и экономической ситуации) выполняло ряд важнейших культурных функций: мировоззренческую, экологическую, интегративную, духовно-нравственную, коммуникативную, информационно-просветительскую, экономическую <...> художественно-эстетическую и компенсаторную» [Астэр, 2009, с. 12].

Рассуждая о влиянии монашества на формирование отечественной культуры, о выполнении им важных для развития общества функций, исследователи стремятся показать, каким образом это происходило. В работе А. В. Моргачевой о некоторых аспектах этого влияния читаем: «Трансляция религиозного опыта из монашеской среды в мирскую происходила через определенные каналы. Среди таких каналов — духовное руководство мирянами, осуществляемое монашествующими, в первую очередь, старчество, пример личности монахов и их образа жизни, письменные наставления монашествующих, паломничество и странничество. Такое явление, как старчество приближалось к рассмотренным выше отношениям “учитель-ученик” внутри монашества и предполагало послушание мирянина своему духовному руководителю — старцу, передающему духовному ученику традицию религиозного опыта ...» [Моргачева, 2011, с. 20—21]. Из современных российских исследований, посвященных проблемам

становления и развития монашества как социокультурного феномена, его влияния на формирование универсалий русской культуры, также следует отметить работы Н. А. Хафизовой, сосредоточивающей внимание на социальных и философско-этических истоках концепции и идеалов аскетизма и монашества [Хафизова, 2002]; О. О. Смолиной, обращающейся к двум типам монашества: «социально ориентированному» и «созерцательному» [Смолина, 2015]; Н. Н. Васюкова и Т. Ф. Сулейманова, рассматривающих монашеский аскетизм, культурную роль монашества, зарождение монашества как движения людей, жаждавших нравственного совершенствования [Васюков и др., 2019].

Говоря об интересе современных ученых к монашеству как социокультурному феномену, хотелось бы отметить, что во второй половине XX — начале XXI веков изучение монашеской культуры весьма активно ведется европейскими и американскими исследователями. О научном внимании к духовному и материальному наследию средневекового монашества может свидетельствовать цитата из работы Д. Кларка: «The cultural remains of the medieval English monasteries have always been a source of scholarly fascination. <...> The enthusiasm for collecting and conserving former monastic fragments intensified in the seventeenth and eighteenth centuries and, with the inauguration of the Rolls and other record series in the middle years of the nineteenth century, monastic culture emerged at the very heart of the national historical enterprise. in recent times the research agenda has expanded and it is the culture, and cultural remains, of the laity (so long eclipsed by the clergy) that now preoccupy many medievalists, but new discoveries displays, and reproductions of monastic art, manuscripts and music continue to command academic and — perhaps increasingly — public attention» [The culture ..., 2007, с. 1—2]. Важным можно считать тот факт, что западные исследователи активно изучают древнейшую историю христианского монашества, в частности самого раннего периода — египетского (I—IV века). Так, например,

Д. С. Драйвером написана научная работа «John Cassian and the reading of Egyptian monastic culture» [Driver, 2002]. В ней автор подробно рассказывает о знакомстве Иоанна Кассиана Римлянина с египетскими подвижниками, об изучении их культуры, духовной жизни, собирании Кассианом материала для своих будущих сочинений о христианском монашестве; Д. С. Драйвер также рассуждает о христианских монашеских духовных практиках, роли чтения религиозной литературы в духовном совершенствовании монахов: «Reading is an essential part of the ascesis that leads from the visible to the invisible, or from the sign to what is signified. Outwardly, reading (or listening) to a text is the foundation of the horarium. Reading while alone in one's cell is also frequently recommended» [Там же, с. 109].

Монашеская словесность как культурное явление христианского Запада и Востока в настоящее время остается малоизученной областью духовного наследия католического и православного монашества. Литературная деятельность католических монахов западной Европы представлена в работе Ж. Леклерка «Любовь к словесности и жажда Бога» [Леклерк, 2015]. Системное изучение русской православной монашеской словесности только начинается. Вклад русских иноков в развитие отечественной литературы обозначен иеромонахом Симеоном (Томачинским) в докладе «Монашество в истории русской словесности» [Симеон]. В представляемой работе рассматривается одна из жанровых форм монашеской словесности — духовное письмо-травелог. Предметом исследования выступают тематическое и идейное содержание данной формы, языковые особенности, определяющие своеобразие духовного письма-травелога.

2. Методология

Исследование проводится в рамках теолингвистического подхода к изучению языка. Согласно В. И. Постоваловой, такой подход

предполагает «изучение взаимосвязи и взаимодействия (интеракции) языка и религии» [Постовалова, 2012, с. 55]. В настоящее время формируются отдельные направления теолингвистических исследований. А. К. Гадомский, в частности, выделяет жанровый, стилистический, коммуникативный, дискурсивный, аксиологический и др. аспекты [Гадомский, 2010, с. 364]. В данной работе религиозный язык изучается с позиций стилистики и жанроведения с использованием лингвостилистического метода (направленного «на установление закономерностей употребления языковых единиц в разных сферах и ситуациях общения, обусловленных экстралингвистическими факторами» [Комарова, 2016, с. 612]). В ходе исследования осуществлялся жанроведческий анализ (установление жанрового статуса изучаемых текстов, характеристика их тематических, идейных и стилистических особенностей). Кроме того, применялся описательный метод, представленный такими приемами, как наблюдение, обобщение и интерпретация.

3. Травелог как тип текста

«Травелог (travelogue) — речь <...> путешествия, история, рассказанная <...> поездкой, где роль автора велика, однако наравне с ним выступает и другой рассказчик — сам мир, который автор-путешественник открывает» [Аксенова, 2018, с. 173]. Как тип текста, травелог, также именуемый жанром путешествия, был и остается весьма интересным для писателей и публицистов, прибегающих к этой форме, и для исследователей, прежде всего лингвистов и литературоведов. Об использовании нового термина *травелог* для обозначения текстов, в которых главным смыслообразующим элементом становится путешествие, О. В. Мамуркина пишет: «Утверждение иноязычной номинации обширного корпуса текстов, описывающих реальное или вымышленное перемещение в пространстве, отразило подвижность границ

путевой прозы и неоднородность ее состава» [Мамуркина, 2013, с. 110]. М. В. Аксенова в этой связи говорит: «Широко использовавшийся ранее термин “путешествие” слишком пространен, возможно, поэтому травелог так легко укоренился на русской почве» [Аксенова, 2018, с. 173]. Рассуждая об основных свойствах жанра травелог, помимо сюжетообразующего и смыслообразующего элементов путешествия, исследователи рассматривают присутствие в тексте образ путешествующего героя, который занимает позицию наблюдателя; противостояние миров «своего» и «чужого»; определенную неизменность героя на протяжении повествования [Аксенова, 2018, с. 171]. А. А. Майга указывает: «обычно травелог регулируется тем, что видит рассказчик, путешественник, и тем, что случается перед его глазами», это является причиной колебаний автора «между описанием и повествованием» [Майга, 2014, с. 256—257]. Чередование описания и повествования ученый рассматривает как важный признак жанра [Там же]. «Один из главных принципов травелога, — отмечает А. А. Майга, — заключается в сборе информации во время передвижения по чужой земле, где живут народы с другими обычаями» [Там же, с. 257]. Н. В. Константинова, анализируя тексты военного писателя XIX века В. Б. Броневского, обращает нас к явно выраженной установке путешествующего автора на достоверность, «очевидное стремление к подлинности, документальности, объективности, намеренно подробное описание событий», сочетающиеся «с субъективностью, стремлением выразить свои собственные переживания, мысли и чувства, угодить читателям и “выразить себя”» [Константинова, 2016, с. 82]. Многие авторы к чертам травелога относят рефлексию автора: «Рефлексия, неизбежно возникающая при встрече с “другим”, — неотъемлемая часть травелога. В противопоставлении и сопоставлении себя и “другого” можно понять свою собственную идентичность» [Аксенова, 2018, с. 174]; «являясь синтетической формой, травелог, совмещая в себе автобиографизм, психологизм, метаописание и

авторефлексию, предстаёт в бесконечном множестве вариантов» [Козлов, 2015, с. 518]. А. А. Майга, ссылаясь на мнение исследователя Р. Л. Унена, в качестве отличительной черты травелога выделяет хронологичность [Майга, 2014, с. 257].

4. Функционирование травелога в церковно-религиозном стиле. Духовное письмо-травелог

Травелоги, функционирующие в церковно-религиозном стиле, обладают всеми чертами, на которые мы указывали выше, однако существенно отличаются в тематическом, идейном и языковом отношениях. Произведения отечественной монашеской словесности, в которых в той или иной форме отражается путешествие, создаются в основном монахами-миссионерами, например, митрополитом Вениамином (Федченковым) — «На Северный Афон», архимандритом Андроником (Елпидинским) — «Восемнадцать лет в Индии». Это определяет воплощение в текстах таких идей, как вера в Единого Бога, спасение души, любовь к Богу и ближним, творение молитвы; таких тем, как миссионерство, крещение, проповедь веры и ее утверждение среди иноверных народов, строительство храмов, создание православных школ и приходов. О текстах архимандрита Сергия (Страгородского), включенных им в книгу «На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера)» [Архимандрит Сергий, 1897], можно сказать, что это травелоги духовного характера. Самим автором они обозначены как письма. В предисловии к книге автор говорит: *Многие советовали мне напечатать мои письма. Хотелось мне видеть их в печати и потому еще, что по ним читатели могут получить хотя приблизительное понятие о том великом деле, которое совершает наша Миссия...* При структурировании материала архимандрит Сергий также обозначает, что перед читателем — письма: *Письмо XII. 30 января 1891 года. Осака <...> Письмо XIII. 20 марта 1891 года. Токио.* Показателями эпистолярности становятся и

встречающиеся компоненты текста следующего содержания: *Вчера письмо на почту не отослано, прибавлю кое-что; Это учреждение с теми же задачами и целями, как и гонконгский немецкий дом, описанный мною в прошлом письме.* На то, что перед нами тексты писем, указывает и эпистолярная диалогизация: ***Я позабыл вам написать, что в Красном море мы праздновали 30-е августа. У нас был парадный молебен с многолетием; Пишу вам почти с сухой земли: стоим на Гонконгском рейде.*** Материал в книге располагается в хронологическом порядке и по пути следования / пребывания автора. Его жанровая отнесенность к травелогу обнаруживается в том, что автор много внимания уделяет рассказу о путешествии, описанию маршрута, материальных объектов, местности и природы, размышляет об увиденном, анализирует происходящее. «На Дальнем Востоке...» — это эпистолярный травелог русского монашествующего миссионера. Здесь необходимо сказать о том, что опубликованные Сергием (Страгородским) тексты по содержанию и форме можно отнести к разновидности жанра духовного письма. Об особенностях этого жанра нами было написано несколько статей, в частности «Духовное письмо как жанр русской словесности» [Смолина, 2016]. Духовному письму также посвящали работы В. В. Каширина и М. Г. Шкуропацкая [Каширина, 2007; Шкуропацкая, 2016]. Духовное письмо-поучение, духовное письмо-беседа, духовное письмо-поздравление — основные, наиболее востребованные формы духовного письма. Форма, представленная в анализируемой книге Сергия (Страгородского), — духовное письмо-травелог.

Основными жанрообразующими элементами духовного письма-травелога становятся интенции. Наиболее же показательны интенции духовно-религиозные. Важнейшими становятся такие: проповедование Евангелия; разъяснение учения Иисуса Христа; утверждение в христианской вере и благочестии; помощь христианам в деле спасения души; воспитание в христианском духе; побуждение к духовному

деланию; воцерковление (вхождение в Церковь, включение в полноту христианской жизни); просвещение, направленное на формирование верного понимания ценностей христианства. Иными интенциями духовного письма-травелога являются дидактическая, идеологическая, коммуникативная, эстетическая, исследовательская, информирующая, суггестивная и эмотивная.

Интенции писем-травелогов архимандрита Сергия, закладываемые в них идеи православного христианства (любви к Богу и ближним, спасения, смирения, терпения и др.) определяют насыщенность текстов лексическими единицами, относящимися к религиозной сфере, в частности, словами и сверхсловными единицами тематической сферы «Православие». Наиболее значимы с точки зрения воплощения религиозно-духовных интенций и репрезентации основных христианских идей теонимы *Господь, Бог, Иисус Христос, Святой Дух*. Имена Бога мы чаще всего встречаем в рассказах о миссионерской деятельности автора и других участников Православной Миссии на Дальнем Востоке: *О. Николай стал говорить. Говорил ему о **Бог**е, о грехе, о душе и ее бессмертии. Самурай понемногу расправил свои руки, поднял голову... в глазах загорелся живейший интерес; Я начал в уме составлять проповедь о богоподобности человека и вместе об основных противоречиях в его природе, чтобы потом вывести отсюда учение о спасении **Иисусом Христом***. Агиоантропонимы обычно встречаются в упоминаниях о православных церковных праздниках: *В следующее воскресенье, 27-го числа, в память **Иоанна Златоуста**, мы опять ездили в Киото; ...в японских православных церквах простой воскресный день празднуется более, чем двенадцатый праздник, если он случится на неделе, — исключая Рождество Христово и день **Св. Апостолов Петра и Павла***. Повествуя об организации работы Миссии в Японии, миссионерском просвещении, архимандрит Сергей часто использует именованя лиц по профессии, роду занятий. Жанровостилистическими маркерами становятся

именования лиц, связанных с христианской религиозной деятельностью (епископ, священник, катехизатор, миссионер, диакон, семинарист и др.): *...встретились там две-три семьи христиан, стали вместе молиться, потом попросили себе **катехизатора**, и теперь это — церковь признанная; В семь часов одним из японских **священников** совершено было водоосвящение, а в восемь часов раздался первый в Токио удар православного колокола.* В письмах Сергия (Страгородского) много внимания уделяется описанию местности, повествованию о путешествии (прогулка, поход, морская поездка), традициях местных жителей. В этих отрезках текста мы также достаточно часто встречаем именованя лиц, связанных с христианской религиозной деятельностью: *Деревня процветала. Теперь это далекая горная глушь, в которую завертывают разве туристы, да и те только для прекрасного озера. Впрочем, по летам в деревне живет несколько дачников, есть японцы, есть и иностранцы, конечно, учителя-миссионеры.* Поскольку автор подробно рассматривает вопросы, связанные с особенностями мировоззрения местных жителей, их верованиями, миссионерской деятельностью православных и инославных христиан, в письмах присутствуют именованя лиц по вероисповедному признаку (христианин, христиане, католик(-и), протестант(-ы), синтоисты, буддисты, язычник(-и)): *Наши **христиане** тоже собирали между собой пожертвования на храм; К вечеру пришел мой бывший учитель... со своим товарищем **католиком**, оба они состоят теперь учителями в сельской школе поблизости от Камеоки; Каждый год монзеки объезжает часть Японии, посещает своих **буддистов**.* Маркирующими элементами становятся и экклезионимы — наименования местностей, названных в честь святых и иных религиозных деятелей, мест совершения таинств и обрядов, мест поклонения: монастырей и храмов. В письмах архимандрита Сергия мы встречаем упоминания и о христианских, и о нехристианских храмах, так как автор рассказывает как о религиозных традициях христиан, так и о верованиях, отправлениях

культа буддистов и синтоистов: *Собор вышел очень многолюдный. Заседания его происходили в приделе св. Петра и Павла; Кваннон очень почитается в Японии, в честь нее воздвигнуты повсюду храмы. Между прочим, есть весьма почитаемый храм и в Токио, Асакуса; Достопримечательностей здесь так много, что я когда-нибудь посвящу им целое письмо. Напр., здесь целых два царя-колокола. Особенно велик в храме Дай-буцу.* Наименования богослужебных предметов встречаются нечасто, однако вносят свою лепту в формирование стилистического облика духовного письма-травелога: *О. Николай более уже не учил в русской школе, весь отдавшись миссии. Он и богослужебные книги переводил, и преподавал в своих школах, и катехизацию вел; ...мои богомольцы расселись в кружок около жаровни, в которой мы держим угли для кадила.* Важную роль в смыслообразовании играют наименования православных праздников. Прежде всего они становятся средством реализации духовно-религиозных интенций «воцерковления», «утверждения в христианской вере». Повествуя о включении в христианскую жизнь новообращенных японцев, архимандрит Сергей стремится сподвигнуть тех, кому адресованы письма, к действиям, направленным на христианское духовное совершенствование, приобщение к жизни православной Церкви. События, связанные с праздниками православного церковного календаря, освещаются подробно, при этом автор зачастую показывает особенности, характерные для Японии: *Скоро пришла и Пасха, которая, как вы знаете, в Японии проходит особенно оживленно и радостно. <...> В великий четверг и субботу были причастники. Читались у нас двенадцать Евангелий; На Вербное воскресенье за всенощной народу было очень много. Верб в Японии нет, да и поздно для них, зато цвела сакура, — и вот, все наши богомольцы и мы стояли с бело-розовыми сакурами. Выходило что-то вроде Пятидесятницы.* В рассказах архимандрита о своем миссионерстве (проповедовании Евангелия, разъяснении христианских истин, заповедей

Христа, воцерковлении и ценностном ориентировании новообращенных) упоминаются значимые христианские памятники письменности, с помощью которых приезжающие из России катехизаторы приобщали местных жителей к христианской вере. Использование языковых единиц, обозначающих религиозные тексты, например, таких, как *Евангелие*, *Деяния апостольские*, *Новый Завет*, *Св. Писание*, *Библия*, *ектения*, *молитвенник*, становится еще одной стилистической особенностью травелогов, функционирующих в церковно-религиозном стиле. Обычно важнейшие тексты христианства упоминаются во фрагментах рассказываемых автором историй из жизни новообращенных христиан: *Бедная девушка все переносит смиренно, читая Евангелие и др. христианские книги... (она и окрещена в постели же). Мы с катехизатором посидели около нее, поговорили, дивясь ее истинно христианскому терпению и благодушию; Он начал ходить к о. Николаю все чаще ... О. Николай через несколько времени дал ему и Новый Завет, который прочтен был Савабе с захватывающим интересом.* Отражение религиозной жизни русских миссионеров-христиан, а также жизни создаваемых ими приходов мы видим и в рассказах о совершении таинств Православной Церкви (крещения, елеосвящения и др.). Активное использование наименований христианских таинств и религиозных обрядов при повествовании о путешествии и пребывании на чужой земле — еще одна языковая особенность духовного травелога. В рассказах архимандрита Сергия о крещении, елеосвящении выражается искренняя вера автора в существование Бога, Его помощь, заступничество, вера в Божественные действия и возможность совершения чудес: *А что благодать Божия действует в церкви, этому доказательством служат действительные чудеса, которые иногда здесь совершаются. Так, нередко сопровождается исцелением таинство крещения. Одну женщину, напр., принесли в церковный дом четверо..., а из купели крещения она вышла уже здоровой и домой вернулась без помощи. Таинство елеосвящения*

прямо и принимается именно для исцеления, и много известно случаев, когда это исцеление действительно совершалось. Поскольку автор — миссионер, и для него важнейшими целями всегда остаются научение ближних основам христианской веры, помощь в избавлении от маловерия, сомнения, утверждение в благочестии, воцерковление, он стремится подробно рассказать о совершении таинств: *На Богоявление **окрещен** еще один <...> юноша, аптекарский ученик <...> **Таинство** первый раз пришлось совершать мне самому. <...> Накануне, пред или после всемогущей, читаются молитвы первого и второго оглашения, третье входит составной частью в чин последования самого **крещения**.* Определяющее значение для воплощения идей православия, формирования нравственной культуры адресатов духовных травелогов, для положительного влияния на их нравственное поведение приобретает использование языковых единиц, относящихся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания (*Царство Божие, спасение, душа, вера, любовь, смирение, терпение, благодушие, совесть, добродетель, грех, греховность* и др.). В духовных письмах-травелогах использование этих единиц наблюдается преимущественно в авторских повествованиях о приобщении новообращенных к христианской вере, ее утверждении: *... простые верующие, собираясь на симбокуквай или содействуя нравственно или материально симбокукваю, собираются на служение Христу и содействуют этому служению, потому что цель собрания возгревать веру, поддерживать братьев, взаимно проповедовать слово Божие, одним словом, утверждать и распространять **царство Божие**; С жадностью ловят они всякое слово о **душе**, о **спасении**, только бы говорил кто им.* Если мы наблюдаем использование лексических единиц духовно-нравственного содержания в рассуждениях автора, то чаще всего такие рассуждения касаются миссионерской деятельности, выбора правильного пути при проповедовании учения Иисуса Христа среди язычников: *Если*

катехизатор с искренней ревностью возьмется за сохранение христиан, поднимет их веру, любовь, воспитает в них истинно христианское настроение, христианское сердце, не может такая церковная община остаться без влияния на окружающий ее языческий мир; Прекрасный народ. И как они каются на исповеди. Вот где учиться нам искреннему смирению. Следует сказать, что отражающая христианское мировоззрение церковно-религиозная лексика различных тематических групп более всего отличает духовный травелог от иных травелогов, хотя специфика обнаруживается и в фигуративно-тропеической организации текста.

Тропеические особенности писем-травелогов архимандрита Сергия связаны с использованием метафор, в основе образности которых лежат характерные для церковно-религиозного стиля аналогии. В таких метафорах присутствуют элементы, содержательно соотносимые с христианским вероучением и христианскими традициями элокутивной организации текста: *Монастырь послужил бы незыблемой точкой опоры для всего будущего, в нем бы воспитались первые японские архипастыри, находили бы себе нравственный покой и поддержку и все утомившиеся труженики на ниве Господней; Невольно проносилась пред взором вся история... созидания Церкви, этого благодатного возрастания чуть заметного евангельского семени.* В конвергенции с другими языковыми средствами, в частности с рассмотренными ранее лексическими единицами тематической сферы «православие», религиозные метафоры участвуют в выполнении духовными письмами-травелогами просветительско-миссионерской, дидактической функций; основные цели использования таких метафор — привлечение людей ко Христу, единение верующих христиан, наставление в вере и благочестии. К отличительным жанрово-стилистическим особенностям исследуемых текстов необходимо отнести и сравнения, включающие религиозные компоненты. В письмах-травелогах архимандрита Сергия встречаются сравнения, в которых присутствует образ неба, связываемого в христианской культуре с Божественным

началом, воспринимаемого как особое пространство присутствия Божия и ангельских сил: *Долго мы простояли в св. Софии. Общий вид ее внутри поразителен. Громадный, как небо, купол так легко покоится на арках, что позабываешь о материи. Это совершенно свод небесный, висящий в воздухе.* Маркирующими становятся уподобления трудов современных миссионеров деяниям учеников Иисуса Христа: *Как апостолы шли с проповедью не туда и тогда, куда и когда им хотелось, а когда повелевал им Дух Святой, так и наша Миссия в Японии началась случайно, совсем не так, как думал и хотел ее основатель, о. Николай.* В рассказе о русских матросах военного крейсера «Память Азова» встречаем такое сравнение: *... а дальше ... темнеет сплошная стена матросов, с их быстрыми русскими крестами и поклонами. Конечно, всякие между ними есть. Есть и пьяницы, и легкомысленные, и пр., но вообще это золотой народ, чистую душу которого не могло испортить даже многовековое рабство татарам и помещикам. Жаль только, что теперь они блуждают, как овцы без пастыря ...* Образы пастыря и пасомых им овец в христианской культуре многомерны. Православными авторами слово *пастырь* может использоваться в значениях ‘пастух’, ‘священник’ [Баско и др., 2015, с. 157], а также «в приложении к Господу Богу и ко Христу» [Глубоковский, 2007, с. 563]. О взаимодействии образов пастыря и овец в «Словаре библейских образов» говорится: «Овца упоминается в Библии чаще других животных <...> Пастух или пастырь упоминается около сотни раз. Такая насыщенность объясняется <...> особыми чертами образов овцы и пастуха, делающих их подходящими источниками метафор духовной реальности. <...> Основываясь на <...> фактах, связанных с овцами и пастушеством, библейские авторы и Иисус строят продуманную символическую и метафорическую систему образов» [Словарь библейских образов]. Большое значение для выражения христианских смыслов в письмах архимандрита Сергия приобретают аллюзии на Евангелие: *Конечно, никто не имеет права отказывать*

в крещении человеку, раньше жившему безнравственно: **Христос и пришел спасти именно таких грешников**. Здесь смыслообразующую роль играет аллюзия на стихи 11—14 главы 9 Евангелия от Матфея: *фарисеи сказали ученикам Его: для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками? / Иисус же, услышав это, сказал им: не здоровые имеют нужду во враче, но больные, / пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы? Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию*. Специфика функционирования эпитетов заключается прежде всего в том, что многие из них — это слова с книжной, иногда — с книжной, риторической окраской: *Велика, грандиозна св. София. Но как-то тяжело созерцать ее **поруванное** величие; А там опять **неустанная** деятельность: посещение церквей, перевод богослужебных книг*. Фигуративная специфика духовных писем-травелогов обусловлена использованием перечисления, риторического вопроса, повторов, компонентами которых становятся языковые единицы церковно-религиозной сферы. Перечисление выполняет преимущественно описательно-изобразительную функцию: *На верхней палубе ... устроили что-то вроде палатки из больших флагов. Поставили покрытый золотым облачением стол. На нем — **икону, крест, евангелие***. Риторический вопрос, как и в иных текстах, становится средством привлечения внимания адресата, усиления убедительности, эмоционального воздействия: *Если **катехизатор** изберет себе приобретение новых чад **церкви** и ревностно станет трудиться над этим, то разве его истинная ревность **о Христе** не зажжет сердца **христиан** его **прихода**?* Повторы помогают автору сосредоточить внимание на значимых христианских смыслах: *Вот оно, это знамя **Христово**, поднятое из самой середины язычества, смело проповедавшее **Христа** пред лицом всего Мира; Каждая община имеет у себя **церковный** дом, где живет ее катехизатор и где происходят различные **церковные** собрания*. При рассмотрении особенностей функционирования тропов затрагивался вопрос об аллюзии, которая

является одной из форм реализации интертекстуальности. Еще одна, нетропеическая форма — цитирование — также весьма востребована в церковно-религиозной культурной сфере и является одной из основных черт церковно-религиозного стиля. В письмах-травелогах архимандрита Сергия цитируются новозаветные тексты, песнопения, тексты, произносимые при совершении таинств, в том числе молитвы. Остановимся на некоторых. Рассказывая о миссионерской поездке в Киото, автор пишет: *В субботу я собрался, т. е. уложил облачение, крест, евангелие ... Много хороших дум пронеслось в голове, когда за всемогущей читалось евангелие воскресное от Матфея: «Шедши научите вся языки», вот призыв и повеление. «И се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века» ...* Цитирование Евангелия от Матфея (главы 28, стихов 19 и 20) здесь выполняет несколько функций: смыслообразующую, эстетическую, воспитательную и синдикативную (укрепления общности между корреспондентами). В миссионерских текстах разных жанров часто можно встретить рассказы о совершении таинств, описание обрядов, поскольку деятельность миссионеров всегда связана с разъяснением сущности и значения христианских таинств, их совершением. Рассказывая о принятии таинства, авторы духовных произведений вспоминают тексты, произносимые при этом священниками. В письме архимандрита Сергия, повествующем о крещении японского юноши, читаем: *... крещаемый сходит в купель, становится там на колени, а священник, положивши руку ему на голову, трижды наклоняет его в воду, произнося: «крещается раб Божий» ...* Обращение читателя к христианской культуре через ее значимые тексты способствует укреплению в вере и любви к Богу. В рассказе о праздновании Пасхи в Японии архимандрит Сергей упоминает и о пасхальных песнопениях: *За минуту или за две до двенадцати все мы зажгли свечи и с пением «Воскресение Твое, Христе Спасе», вышли из церкви ...* Строчка из богослужебного песнопения — стихиры — помогает автору не только в отображении происходящего,

предельно точном воссоздании действительности, но и в выражении собственного отношения к фактам и событиям: строками из стихиры архимандрит Сергей передает благоговейное отношение к Богу. Молитвенные интертексты (*Благословен Бог наш; Царю небесный; Благословен еси, Христе Боже наш; Христос воскрес* и др.) выполняют эстетическую функцию (создания выразительного и эстетически привлекательного текста, пробуждения эстетических чувств): верующими людьми молитвенные тексты воспринимаются как безусловно прекрасные, одухотворенные, возвышающие человека, влекущие к Небесному; также они выполняют аксиологическую функцию (ориентирования на ценности православия); эмоционального воздействия; синдикативную; смыслообразующую. Важно сказать еще об одной функции — изобразительной (создания конкретных, индивидуальных представлений о явлениях), так как для автора важно ярко и точно нарисовать картину происходящего, создать понятные и зримые образы: *Вечером часов в семь отслужили вечерню, а на следующий день обошли всех христиан с крестом и с пением «Христос воскрес».*

Важную роль в элокутивной организации духовных писем-травелогов играют языковые единицы, относящиеся к тематической сфере «путешествие». Прежде всего, это географические наименования, наименования пространств, средств передвижения, выполняющие во всех типах травелогов изобразительно-описательную, познавательную, информативную и жанрообразующую функции. Для географических наименований весьма значимой становится функция организации событийного ряда, особенно ощутимой эта функция становится при стилистическом анализе «Писем японского миссионера» как единого целого (сборника писем-травелогов). По названиям городов читатель ориентируется в пространстве мест пребывания автора: *Консул в Нагасаки советовал нам по дороге осмотреть замечательные места Японии: Осаку, Киото, Нагою. Кто едет в Японию первый раз ... тому, конечно,*

обязательно осмотреть все это, особенно японскую Москву — *Киото*, где наиболее характерно раскрывается японская жизнь и нравы. Наименования пространств выполняют и эстетическую функцию: они помогают автору создавать живописные картины описываемой природы. Наиболее частотны и значимы такие наименования, как *гора(-ы)*, *холм(-ы)*, *лес*, *небо*, *море*, *река*, *дорога*, *сад*, *берег*, *набережная*. В конвергенции с эпитетами, языковыми единицами с семантикой цвета наименования пространств передают природный и культурный колорит страны: *Роскошная зелень, одевающая все горы и холмы кругом, теперь разукрашена была пурпуром: листья момидзи покраснели, для японцев, следовательно, наступил веселый сезон*. Несомненно, востребованными в жанре травелога становятся наименования средств передвижения. Используются слова *корабль*, *пароход*, *повозка*, *лодка*, *катер*. Значимость этих наименований заключается прежде всего в создании (совместно с другими средствами) стилистического эффекта наглядности, изобразительности: *Мы уже не во Владивостоке и не на пароходе Добровольного флота, а в Японском море и под норвежским флагом. Метаморфоза эта случилась вдруг, в какие-нибудь полчаса или час; Китаец на синей лодке перевез нас на ту сторону*. Кроме того, наименования средств передвижения выполняют текстообразующую функцию, иногда могут выступать как средство отображения национально-культурной специфики: *... целая армия рикшей расхватывала пассажиров, умильно приглашая в числе других и нас в свои маленькие повозки*.

5. Заключение

Духовное письмо-травелог — оригинальное жанровое явление, обладающее признаками духовного письма и травелога и являющееся при этом самостоятельным речевым жанром с присущими только ему интенциями, тематическими, идейными и языковыми особенностями. О его принадлежности к путевой литературе говорят наличие путешествия как основного сюжетообразующего и смыслообразующего элемента;

присутствие в тексте образа путешествующего героя-наблюдателя; сопоставление «своего» и «чужого» миров; передача информации во время пребывания на чужой земле; рассказы о народах и об их обычаях; выраженная установка автора-путешественника на достоверность; рефлексия автора, связанная с тем, что он наблюдает во время передвижения; хронологичность. На эпистолярность указывают именование текстов письмами самим автором (номинация каждого текста «письмо»); эпистолярные показатели коммуникативного характера (*сизжу за письмом, описанный в прошлом письме, продолжать письмо, посылать письмо, письмо не отослано*); эпистолярная диалогизация (*вот вам и картинка ... , я позабыл вам написать, пишу вам, как вам известно* и т. п.); датировка; указание на место пребывания в настоящий момент (*Средиземное море, Токио, Киото*). Об отнесенности к системе духовных (церковно-религиозных) писем свидетельствуют воплощенные в эпистолярной форме христианское идейное содержание (утверждение идей спасения, веры в Единого Бога, любви к Богу и ближним и др.); тематика, связанная с миссионерской деятельностью; духовно-религиозные интенции; духовные цели — обращение к христианским ценностям, ориентирование на стяжание христианских добродетелей. По своей сущности духовное письмо-травелог есть гибридный жанр. К важнейшим его особенностям относится образ автора — монашествующего путешественника-миссионера; образ адресата — воцерковленного христианина, интересующегося судьбой русской христианской Миссии на Дальнем Востоке; язык, насыщенный словами и сверхсловными единицами тематической сферы «Православие».

Источники

Архимандрит Сергей (Страгородский). На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера). — Арзамас : Типография Н. Доброхотова, 1897. — 142 с.

Литература

1. *Аксенова М. В.* Травелог : путешествие жанра и жанр путешествий / М. В. Аксенова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2018. — № 3 (31). — С. 170—176.
2. *Астэр И. В.* Современное русское православное монашество как социокультурный феномен : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.13 / И. В. Астэр. — Санкт-Петербург, 2009. — 22 с.
3. *Баско Н. В.* Словарь православной лексики в русской литературе XIX—XX веков / Н. В. Баско, И. В. Андреева. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. — 272 с.
4. *Васюков Н. Н.* Институт монашества в православно-христианской культуре / Н. Н. Васюков, Т. Ф. Сулейманов // Образование и духовная безопасность. — 2019. — № 1 (7). — С. 4—18.
5. *Гадомский А. К.* Русская теолингвистика : история, основные направления исследований / А. К. Гадомский // Стил. — 2010. — № 9. — С. 357—374.
6. *Глубоковский Н. Н.* Библейский словарь / Н. Н. Глубоковский. — Сергиев Посад-Джорданвилль : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007. — 864 с.
7. *Каширина В. В.* Феномен духовного письма / В. В. Каширина // Русская словесность. — 2007. — № 1. — С. 73—79.
8. *Козлов А. Е.* Травелоги «Невского сборника» (1867) : проблемы жанрового единства / А. Е. Козлов // Русский травелог XVIII—XX веков : коллективная монография / под редакцией Т. И. Печерской ; Мин-во образования и науки РФ, Новосибирский государственный педагогический университет. — Новосибирск : Издательство НГПУ, 2015. — С. 503—522.
9. *Комарова З. И.* Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учебное пособие / З. И. Комарова. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2016. — 820 с.
10. *Константинова Н. В.* Русский травелог начала XIX века : феномен авторской стратегии (на материале путевых записок В. Б. Броневского) / Н. В. Константинова // Сибирский филологический журнал. — 2016. — № 3. — С. 79—88.
11. *Леклерк Ж.* Любовь к словесности и жажда Бога / Ж. Леклерк. — Москва : НО «Издательство Францисканцев», 2015. — 354 с.
12. *Майга А. А.* Литературный травелог : специфика жанра / А. А. Майга // Филология и культура. — 2014. — № 3 (37). — С. 254—259.

13. Мамуркина О. В. Травелог в русской литературной традиции : стратегия текстопорождения / О. В. Мамуркина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 9—2 (27). — С. 110—113.

14. Моргачева А. В. Русская культура : влияние монашества на формирование ее универсалий : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 24.00.01 / А. В. Моргачева. — Ростов-на-Дону, 2011. — 23 с.

15. Постовалова В. И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании : истоки, основные идеи и направления / В. И. Постовалова // Magister Dixit. — 2012. — № 4 (12). — С. 54—101.

16. Симеон (Томачинский), иеромонах. Монашество в истории русской словесности [Электронный ресурс] / Симеон (Томачинский). — Режим доступа : <http://www.pravoslavie.ru/65647.html>.

17. Словарь библейских образов / под общей редакцией Л. Райкена, Д. Уилхойта, Т. Лонгмана III. — Режим доступа : <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskih-obrazov/435>.

18. Смолина А. Н. Духовное письмо как жанр русской словесности / А. Н. Смолина // Мир науки, культуры, образования. — 2016. — № 2 (57). — С. 384—387.

19. Смолина О. О. Культура православного монашества : поиски идентичности / О. О. Смолина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. — 2015. — № 3. — С. 119—125.

20. Хафизова Н. А. Монашество : социально-философский анализ : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Н. А. Хафизова. — Пермь, 2002. — 157 с.

21. Шафажинская Н. Е. Русское монашество как историко-культурное явление : автореферат диссертации ... доктора культурологических наук : 24.00.01 / Н. Е. Шафажинская. — Москва, 2010. — 39 с.

22. Шкуропацкая М. Г. Духовное письмо как проявление синтеза искусственной и естественной форм письменно-речевой деятельности / М. Г. Шкуропацкая // Естественная письменная русская речь : исследовательский и образовательный аспекты : сборник научных статей / Кемеровский государственный университет, Кафедра стилистики и риторики, Лаборатория «Естественная письменная речь : жанроведческий, лингвоперсонологический и семантический аспекты». — Кемерово : КемГУ, 2016. — Ч. 5 : Новое в теории письменной речи и инновационная лингводидактика. — С. 54—66.

23. *Driver D. S.* John Cassian and the reading of Egyptian monastic culture / D. S. Drive. — New York ; London : Routledge, 2002. — 167 p.

24. *The culture of Medieval English Monasticism* / edited by James G. Clark. — Woodbridge : Boydell, 2007. — 240 p.